

Леонид Иванович Добычин

Портрет

1

Как всегда, придя с колодца, я застала во дворе хозяина.

Он тряс над тазом самовар и, как всегда, любезно пошутил, кивнув на мои ведра: – Фызькультура.

Как всегда, раскланявшись с маман, мы вышли, и в воротах, распахнув калитку, отец, галантный, пропустил меня. По тени я увидела, что горблюсь, и выпрямилась.

Стояли церкви. Улицы спускались и взбирались. Старики сидели на завалинках. Сверкали капельки и, шлепаясь о плечи, разбрызгивались. Как всегда, на повороте, тронув козырек, отец отклонялся.

Четыре четырехэтажных дома показались, площадь с фонарями и громкоговорителями. Подоткнув шинели, бегали солдаты с ружьями, бросались на землю и вскакивали. Стоя на крыльце и переглядываясь, канцелярские девицы их рассматривали. Шляпы отражались в полированных столбах.

Хваля погоду, мы уселись. Счеты стали щелкать. В кофте «сольферин» прошла товарищ Шацкина и осмотрела нас. Передвигалось солнце. Тень аэроплана пробежала по столам, и мы поговорили, сколько получают летчики.

После обеда, кончив мыть, маман переделалась и, в перчатках, чинная, отправилась.

– Мы выбираем дьякона, – остановилась она и взглянула на меня и на отца внушительно.

– Прекрасно, – похвалили мы.

Отец, прищурившись, шелестел газетой. Ветви перекрещивались за окном. В конюшне за забором переступала лошадь.

Постучались гости и, расстегивая выхухоль на шее, радостно смотрели на нас кверху, низенькие. Брошь-цветок и брошь-кинжал блестели. – Я иду сказать маман, – сбежала я.

Она, торжественная, как в фотографии, сидела в школе. Старушечки шептались. Кандидат на дьяконскую должность, в галифе, ораторствовал.

– Я из пролетарского происхождения! – восклицал он.

Разноцветные, с готическими буквами, висели диаграммы: мостовых две тысячи квадратных метров, фонарей двенадцать, каланча одна.

– А вы учились в семинарии? – поднялась маман.

Я позвала ее.

Затягивались лужицы в следах. Выскакивали люди без пальто и шапок, закрывали ставни. Мальчуганы разговаривали, сидя на крыльце, и их коньки болтались и позвякивали.

Улица Москвы, по-старому – Московская, шумела. Рывкали автобусы. Извозчики откидывали фартуки. Взойдя на паперть, я взяла билет. Стояли пальмы. Рыбки разевали рты. Топтались кавалеры, задирая подбородки и выпячивая бантики. Я терлась между ними.

Ричард Толмедж был показан в безрукавке и коротеньких штанишках. Он лечился от любви, и врач его осматривал.

– Милашка Ричард, – улыбались мы и взглядывали друг на друга, сияя.

Сверх программы – музыкальные сатирики Фис-Дис трубили в веники. – Осел, осел, – кричали они, – где ты? – и отвечали: – Я в президиуме Второго Интернационала.

Наскакивая на прохожих, я гналась за ним. – Послушайте, – хотела крикнуть я. Он шел, раскачиваясь, невысокий, с поднятым воротником к в кепке с клапаном.

Отец остановил меня. Он тоже убежал от гостей. – Ричард мил? – спросил он, и по голосу я видела, как он приподнял брови: – И идеология приемлемая?

Узкая луна блестела за ветвями. На тенях